

А. А. Постникова
«ФРАНЦУЗСКАЯ» БЕРЕЗИНА: 200 ЛЕТ ПАМЯТИ

Березина. Имя этой реки известно многим европейцам и почти каждому французу. Оно давно стало нарицательным, олицетворяя не только катастрофу, безысходность, но также героизм и самоотверженность. События на р. Березине стали последним громким аккордом войны 1812 г. Переправа армии Наполеона проходила в условиях ожесточенных боев и сопровождалась картинами ужаса и героизма. Память об этом событии долгие годы питает духовные силы французов.

Президент Франции Н. Саркози активно использует историческую память о событиях прошлого в целях формирования и развития национальной идеи, утверждая, что французам в отношении минувших эпох «не за что каяться».¹ В современной Франции воскрешаются те сюжеты истории, которые способствуют формированию идеи величия французской нации. В связи с этим оживает интерес и к эпохе Наполеона I.² Важное место в этом «воскрешении прошлого» занимает образ Великой армии, прошедшей через испытания на Березине.

Память французов о событиях на Березине в 1812 г. складывалась на основе разнородных версий, которые, в свою очередь, исходили из сложнейшей гаммы чувств и представлений участников русской кампании, из противоречивой интерпретации источников, из вольной трактовки событий последующими беллетристами. Решающим периодом в формировании мифа о Березине во французском сознании стал XIX в. Бурные события истории Франции после падения Первой империи способствовали обостренному восприятию прошлого и формированию мифов о драматических событиях русской кампании 1812 г.

Французская версия событий на Березине начала зарождаться еще в ноябре 1812 г.

Уже первые строки документов за этот период должны были навести на мысль о сложности и даже почти «невыполнимости» Березинской операции. Оказавшись в сложнейших условиях отступления, Наполеон судорожно искал возможности выхода армии из России. 11 ноября,³ находясь в Смоленске, он обозначил своей основной целью спасение армии.⁴

Перед тем как начать движение к Березине, войска основной группировки Наполеона остановились в Смоленске. Солдаты бросились писать письма домой. В большинстве писем чувствовалась убежденность солдат в том, что император готовится к походу на Санкт-Петербург. Однако мысли адресантов были далеко от войны: все ожидали ее скорейшего окончания.⁵ Подобные чувства тоски по дому, выраженные в письмах жене, испытывал и Наполеон. После пережитых испытаний и разочарований он не писал Марии-Луизе о военных проектах, он желал одного: «Я хочу увидеть сына».⁶

Обессиленные французские солдаты уже не стремились к достижению громких побед. В период отступления нечто более ценное открылось для них в войне — солдатская дружба, верность Родине и императору. Победа для них заключалась уже не в разгроме противника, а в сохранении традиций воинского братства. Отсюда, из Смоленска, Великая армия направилась к самой ужасной из своих катастроф, вошедшей в историю под именем «Березина».

На тот момент в проектах Наполеона переход через Березину рассматривался как путь, который позволил бы обеспечить армии отдых в районе Минска, а затем — движение на Санкт-Петербург. Чуть позже, после известия о захвате русской армией Минска и моста в Борисове, Наполеону пришлось расстаться с идеей возобновления кампании, и переход через Березину предстал как единственный путь к спасению.

Французский император, узнав о расположении армии адмирала П. В. Чичагова в районе Березины, проницательно осознал тот

¹ Мильчина В. История Франции глазами Н. Саркози // Отеч. зап. 2008. № 5. С. 115.

² См., например: Napoléon et l'Europe. P., 2004; Budon G. Napoléon et l'Europe. P., 2006; Gueniffey P. Le dix-huit brumaire: l'épilogue de la révolution française. P., 2008.

³ Все даты даны по новому стилю.

⁴ Correspondance de Napoléon. Т. 23. P., 1868. P. 310.

⁵ См.: Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainow. P., 1913. P. 213–299.

⁶ Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise. P., 1935. P. 100.

факт, что эта река может стать знаковым местом в истории русской кампании. Наполеон начинает отправлять своим войскам довольно противоречивые приказы по поводу возможности отступления Великой армии в направлении Минска либо Вильно. Замешательство императора, а может быть, обдуманый, но тщательно скрываеваемый план действий, приведет в дальнейшем к нескончаемым спорам французских историков о роли Березинской операции в проектах Наполеона.

В любом случае Березина должна была стать местом вероятного сражения с русской армией. Задачу атаковать врага на правом берегу реки Наполеон возложил на 2-й корпус маршала Н. Ш. Удино. Маршал в своих действиях, по-видимому, преследовал именно эту цель. 26 ноября из Борисова Удино предупредил, что собирается атаковать врага под Стаховым для освобождения дороги на Минск.⁷ 27 ноября император в последний раз напомнил маршалу о необходимости атаковать врага. Таким образом, можно предположить, что Наполеон допускал мысль о сражении с войсками Чичагова.

28 ноября разгорелась битва на берегах Березины, научное осмысление которой начнется значительно позже, когда участников событий оставят бурные эмоции, панический страх и даже ужас. Но Наполеон не позволил себе поддаться воздействию эмоций и попытался «закрепить» победу на Березине за Великой армией. Через несколько дней после сражения вышел 29-й бюллетень Великой армии, в котором упоминалась лишь победоносная для французов битва на правом берегу. Этот документ, вытеснив из сознания французов иные варианты оценки событий, заложил основу для формирования официальной научной версии о Березине во Франции.

Вслед за 29-м бюллетенем о победе французов на Березине сообщили французскому обществу газеты. В «Журналь де Л'Амбир» за январь 1813 г. были опубликованы следующие строки: «Несмотря на то, что силы солдат иссякли, нашлись еще герои в Великой армии. Довольно быстро Чичагова удалось одолеть».⁸ Приведенная ремарка о событиях на Березине стала основой для формирования в общественном сознании представления о последних неделях Великой армии в России.

Несомненно, в памяти участников тех трагических и знаменательных событий «Березина» запечатлелась в более многоликом образе. Русская кампания 1812 г. стала частью их жизни. Многие солдаты Великой армии Наполеона не только приобрели военный опыт, но и получили тяжелейший удар, надломивший, а иногда и сломавший их жизни и судьбы. В памяти каждого участника особо запечатлелись события на Березине как своего рода символ окончания войны, надежды на то, что вновь удастся увидеть Францию.

Политические события во Франции, связанные с осмыслением периода правления Наполеона, вызвали бурные дискуссии в отношении деятельности бывшего императора. В эпоху Реставрации французское общество разделилось на бонапартистов и антибонапартистов. На страницах работ бывших соратников французского императора, ударившихся в полемику вокруг его имени, исчез анализ военных действий Великой армии. Авторы этого периода, описывая события на Березине, склонялись к моральной оценке поведения французского императора: его изображали то гением, спасшим свою армию, до деспотом, обрекшим своих солдат на уничтожение. Однако всех авторов объединяло убеждение в том, что Великая армия проявила героизм и самоотверженность на Березине. «В этой плачевной ситуации наши солдаты с жаром отстаивали честь армии»,⁹ — написал капитан инженерных войск Э. Лабом. Представление о проявленном Великой армией героизме на Березине станет основой для дальнейшего формирования образа моральной победы французов в этой военной операции.

В 1820-е гг. стали появляться первые научные исследования, посвященные Березинской операции. Полковник Ж. Шамбре, изучив документы войны 1812 г., пришел к выводу о том, что Наполеон планировал пройти к Минску через Зембин и в этом проекте сражение на правом берегу реки мыслилось им как отвлекающий маневр. Описание битвы автор закончил картиной атаки французской кавалерии, полностью проигнорировав действия швейцарских и польских полков.¹⁰

В 1827 г. секретарь-архивист Наполеона барон А. Фэн опубликовал труд «Рукопись 1812 года». Историк и участник событий, Фэн рассмат-

⁷ См.: Fabry G. La campagne de Russie. T. 4. P., 1903. P. 236.

⁸ Journal de L'Empire. 1813. Janvier.

⁹ Labaume E. La campagne de Russie. P., 2001. P. 277.

¹⁰ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. T. 3. P. 23.

ривал операцию на Березине как результат реализации осознанного и целенаправленного плана действий французов.¹¹ По словам автора, император приказал маршалу П. К. Виктору сдерживать силы генерала П. Х. Витгенштейна, а основной части армии — идти против Чичагова. Подводя итоги сражений, Фэн ограничился фразой: «Враг не достиг желаемого».

После трудов Шамбре и Фэна научное изучение истории переправы через Березину было надолго приостановлено, уступив место легенде об императоре Наполеоне. Созданию этой легенды во многом способствовал сам французский полководец. В 1823 г. началась публикация «Мемориала» графа А. Д. Лас Каза, в котором были представлены воспоминания Наполеона, продиктованные им на острове Св. Елены. Несомненно, основная цель бывшего императора заключалась в том, чтобы увековечить память о себе самом, стерев или затушевав позорные страницы собственной истории. Наполеон проанализировал события и на Березине. Он признал, что переправа через реку нанесла роковой удар Великой армии: «Армии более не существовало».¹² В то же время бывший император категорически отверг предположение о заметной роли русских войск в уничтожении французской армии: «Армии Чичагова и Кутузова не осмелились даже приблизиться к французским войскам».¹³ По мнению Наполеона, достойным противником французов были только «великие холода», которые им так и не удалось победить.

Легенда о великом императоре Наполеоне затмила в сознании французов результаты научного осмысления событий на Березине. Как реакция на возрождение культа императора появилась книга «Поход в Россию» бригадного генерала графа Ф. П. де Сегюра. Автор следующим образом прокомментировал цель своего исследования: «Вновь восходит звезда павшего человека. Я нахожу его деятельность исключительно губительной».¹⁴ С помощью особого художественного стиля автор усилил трагическую сторону в описании событий на Березине, позволив читателям почувствовать состояние тех людей, которые прошли через ужас переправы и сражений, заставив проник-

нуться уважением к стойкости французов. На фоне глубоких эмоциональных переживаний Сегюр возвысил героизм соотечественников: «Но даже безоружные, даже умирающие, даже не знающие, как им перебраться через реку и пробиться сквозь неприятеля, они не сомневались в победе».¹⁵ В целом, работа Сегюра должна была утвердить идею величия и героизма французского солдата. Однако некоторых современников Сегюра возмутило принижение им роли Наполеона. Ординарец бывшего императора Г. Гурго даже выпустил книгу «Наполеон и Великая армия в России», в которой подверг резкой критике работу Сегюра. Он высказал в его адрес вполне разумный упрек в том, что тот не дал глубокого анализа военных действий: «Сожалею, что Сегюр не описал в деталях прекрасное сражение, которое поддержал маршал Ней со своим 3-м корпусом. Почему он не упомянул эту атаку, которая отодвинула линию русских до лесов, несмотря на ужасный огонь?»¹⁶ В этом отрывке Гурго ведет речь о сражении на правом берегу Березины 28 ноября. Но и он, увлеченный критикой книги Сегюра, также отказался от обстоятельного анализа Березинской операции. Ординарец противопоставил свой образ решительного императора образу жалкого и отчаявшегося Наполеона, нарисованному Сегюром: «Ничего не говорило о том, что император впал в отчаяние. Он добился того, чтобы переход через Березину совершился в порядке».¹⁷ Подводя итоги сражений, автор заключал: «Все шансы на успех были на нашей стороне, потому что наша армия смогла проявить мужество даже в этих обстоятельствах».¹⁸

В очередной раз дискуссия о роли Наполеона и Великой армии в событиях на Березине вызвала живой отклик во французском обществе. Одна газета в 1828 г. отметила: «Это была ужасная кровавая баталия. Переход через Березину вызвал живой интерес в обществе. Все люди обратились к описанию Сегюра».¹⁹

В период Реставрации в общественном сознании Франции «Березина» ассоциировалась лишь с последней победой Великой армии в России. Участники тех событий использовали описание сражения для оправдания или

¹¹ Fain A. J. F. Manuscrit de 1812. P., 1827. T. 2. P. 357.

¹² Las Cases A. D. Mémorial de St.-Hélène. P., 1823. P. 343.

¹³ Ibid. P. 342.

¹⁴ Ségur F. Histoire de Napoléon et de la Grande armée. P., 1825. P. 2.

¹⁵ Ibid. P. 349.

¹⁶ Gourgaud G. Napoléon et la Grand armée en Russie. P., 1825. P. 415.

¹⁷ Ibid. P. 429.

¹⁸ Ibid. P. 425.

¹⁹ Journal des artistes. 1828. № 13.

осуждения личности Наполеона. В результате возникли противоречивые картины одного и того же эпизода недавнего прошлого, но общей для этих картин была идея о том, что французский солдат одержал на Березине моральную победу.

Падение династии Бурбонов, которая дискредитировала себя в глазах не только либералов, но и роялистов, разбудило в сознании французов память о Наполеоне как воплощении идеалов свободы, процветания и величия Франции. Апологетическим тоном наполнились и сюжеты, связанные с событиями на Березине. В период Июльской монархии страсти и эмоции вокруг русской кампании 1812 г. стали остывать. События той эпохи постепенно становились для французов далекой историей, а солдаты Великой армии — героями художественного романа.

Великий писатель Оноре де Бальзак, вдохновленный военной славой Наполеона, возвел Великую армию на пьедестал героизма. В одном из произведений Бальзака герой, участник войны 1812 г., рассказывает молодому поколению о переправе через Березину: «Переправа через Березину, мои друзья, убеждает нас в священности чести. Так никогда более не будут воевать. Армию спасли понтонеры. Русские нам помогли, потому что они еще уважали Великую армию».²⁰

Авторы этого периода пытались вызвать у читателей сочувствие к состоянию армии и к императору, которому пришлось пережить гибель своего создания. На страницах их произведений уже не чувствуется победный восторг, а господствует мнение, что сражения на Березине не имели особого значения в русской кампании 1812 г.²¹ С выходом в 1842 г. мемуаров инспектора смотров, служившего в кабинете начальника штаба Великой армии, барона П. П. Деннье появился иной вариант сокрытия трагических последствий переправы через Березину. Автор высказал мысль о том, что солдаты Великой армии просто не придали особого значения сражениям на этой реке.

Обострение социальной обстановки в конце существования Июльской монархии возродило память о «Березине» как о символе

крушения великих идей Франции, бессмысленности жертв, принесенных на алтарь войны. Так, катастрофическая переправа явилась символом разочарований для писателя В. Гюго. Для него самого история Наполеона стала частью жизни и творчества. Он часто сравнивал современную ему Францию с эпохой великого императора. В период революции 1848 г. В. Гюго так вспоминал о гибельной переправе Великой армии через Березину: «О несчастные люди! Когда они обещают мир, они развязывают войну. Когда они создают империю, наступает 1812 г. Когда они переходят реку, это мост через Березину».²² Попытка представить события на Березине как крушение Великой армии не состоялась и на этот раз.

После бурных событий 1848 г. в литературе и историописании впервые появляется интерес к проблеме роли обычного человека в истории, и это приводит к героизации французских солдат на Березине. Были опубликованы некоторые мемуары участников русской кампании 1812 г., в которых упоминается лишь сражение на правом берегу Березины и высказывается восхищение храбростью французов.²³ Образ Наполеона на страницах этих произведений теперь появляется нечасто.

Таким образом, в период Июльской монархии в изображении сражений Великой армии на Березине наблюдается отход от торжественного, героического стиля к более тонкой психологической картине. События на Березине становятся героической трагедией, а ее образ — легендой французской истории. После падения Июльской монархии «Березина» воскрешается на страницах французских мемуаров как близкое событие, связанное с героизмом французских солдат.

В период Второй империи ситуация значительно изменилась. В связи с возрождением культа Наполеона «Березина» перевоплощается в символ гениальной военной операции императора. Именно в эту эпоху возникшие в прошлые годы противоречивые образы «Березины» стали постепенно объединяться в единый образ.

Важной вехой в научном изучении операции на Березине стал выход в период Второй империи монографии крупнейшего истори-

²⁰ Balzac O. Berezina. P., 1830. P. 3.

²¹ См.: Dufour V.P. Mémoires de Napoléon. P., 1830. Т. 8. P. 166; Mémoires pour servir à l'histoire de France. P., 1830. P. 173; Mortonval M. Histoire de la Guerre de Russie en 1812. P., 1831. P. 428.

²² Hugo V. Anniversaire de la Révolution de 1848. P., 1855. P. 21.

²³ См.: Fezensac M. Journal de la campagne de Russie en 1812. P., 1850.

ка и политического деятеля А. Тьера. Автор представил обстоятельную картину действий французов и русских на Березине. Обратимся к некоторым моментам этого труда, представляющим для нас интерес. Главной целью Наполеона в Березинской операции Тьер назвал объединение французских армий, которые действовали в центре и на флангах; однако этого так и не было достигнуто.²⁴ Свои упреки автор адресовал Наполеону. В свою очередь, действия русских, в представлении Тьера, выглядели более организованными и хорошо спланированными.²⁵

Все аргументы, высказанные автором, казалось бы, наводили на мысль о поражении Великой армии. Однако трагичность ситуации, в которой французы нашли силы для продолжения борьбы, не позволила Тьеру «разделиться» с памятью о героической переправе через Березину. Так, подвергнув критике действия Наполеона, Тьер подвел следующий итог: «Мы испытали чувство действительного триумфа, триумфа кровавого и болезненного, это была самая великая победа в нашей истории».²⁶

Поражение Франции в войне с Германией 1870–1871 гг. еще более способствовало процессу героизации прошлого страны. С этого момента сражение на Березине утвердилось в сознании французов как бесспорная победа Великой армии. Источники, в которых содержалась хотя бы доля сомнений в истинности этого утверждения, были «забыты». Все описания сражений на Березине стали преследовать лишь одну цель — подчеркнуть факт победы Великой армии. Усилению этого представления способствовала массовая публикация мемуаров участников русской кампании 1812 г.²⁷ Казалось бы, основная часть французских солдат признавала, что на Березине их войска представляли лишь осколок былой Великой армии. Однако сделанный французскими мемуаристами акцент на ослаблении армии способствовал возвышению ее героизма, самоотверженности и верности Наполеону. Картины катастрофы, холода, голода ушли на второй план. Возродился и окончательно утвердился созданный еще в

эпоху Реставрации образ «Березины» как символ моральной победы Великой армии.

В конце XIX в. французские газеты продолжали часто обращаться к тезису о победе Великой армии на Березине. К примеру, в газете «Ле Тан» без воспроизведения подробностей сражений было отмечено: «Переход через Березину остается победой в нашей памяти».²⁸ Буквально через несколько лет ситуация изменится. В 1890-е гг. Россия и Франция начнут быстрое военно-политическое сближение. Это заставит французов значительно пересмотреть свое представление о войне 1812 г. Накануне I Мировой войны в газете «Ле Тан» были опубликованы такие строки о событиях на Березине: «Великая армия перешла реку без сражения с русскими. Во Франции и в России помнят драму войны 1812 г. Это была наша общая победа».²⁹

Последующие события XX в. вытеснят все иные версии переправы Великой армии через Березину, кроме версии о победе французов на берегах этой реки. Переосмысление событий войны 1812 г. во Франции будет связано с именем Шарля де Голля. Его приход на пост президента Франции имел для изучения войны 1812 г. заметные последствия. Президент придавал большое значение отношениям России и Франции, что, несомненно, добавило несколько положительных черт образу России в сознании французов. В это время выходит монография Ш. Корбе, посвященная представлениям французов о России, которая стала важной вехой на непростом пути поиска взаимопонимания двух народов.³⁰ Сам де Голль, обращаясь к теме войн Наполеона, признает: «Наполеон напал на Александра, что стало самой грубой ошибкой, какую он когда-либо совершал, ничего не принуждало его к этим действиям. Эта война становится началом нашего упадка».³¹

Наиболее значительное исследование русской кампании 1812 г. принадлежит историку Ж. Тири.³² Описывая отступление Великой армии, он акцентирует внимание на проявлениях чести и мужества среди французских солдат. Русская армия была лишена в его опи-

²⁴ См.: Thiers A. Histoire du Consulat et de L'Empire. Bruxelles, 1856. Т. 14. Р. 675.

²⁵ Ibid. Р. 685.

²⁶ Ibid. Р. 701.

²⁷ См.: Boulart F. Mémoires militaires. P., 1894; Griois L. Mémoires. P., 1909. Т. 2; Maringone L. S. La campagne de Russie. P., 1899.

²⁸ Le Temps. 1887. Octobre.

²⁹ Ibid. 1912. Avril.

³⁰ Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe. P., 1967.

³¹ Цит. по: Larcen A. Napoléon jugé par le general de Caulle // Napoléon et l'Europe. P., 2004. Р. 420.

³² Thiry J. La campagne de Russie. P., 1969.

сании варварских черт, что было характерно для прежних исследований. На основе внушительного объема документов историк проанализировал ход Березинской операции и пришел к заключению о победе Великой армии. Его современник историк К. Грюнвальд, имевший русские корни, обратился к мемуарам участников русской кампании 1812 г. и на их основе сделал следующий вывод: «Гениальность Наполеона расстроила честолюбивый план русских по окружению Великой армии на Березине».³³

Последующие историки начали старательно обходить тему отступления французов из России, приняв тезис о победе на Березине как истину, не требующую доказательств. Подобное мнение встречается в трудах Р. Дюффресса и Ж. Тюлара.³⁴ В трудах историков Ж. Будона и А. Пижара подчеркивается, что Великая армия не была побеждена русской, что она выиграла все сражения, в том числе и при Березине.³⁵

Французский историк Ф. Бокур посвятил много лет своей научной деятельности изучению событий на Березине. Именно по его инициативе и при его участии был создан памятник Великой армии на Березине, на котором

высечены слова, вселяющие гордость в сердца французов: «Солдатам Великой армии, проявившим смелость во время переправы через Березину». Подобной же торжественностью наполнены научные работы историка, в которых он отмечает участие и заслуги, помимо французских солдат, еще и русских, немецких, швейцарских, голландских, польских войск. Однако его «вердикт» остался прежним, характерным для французских историков: «Несмотря на превосходство русских сил, Великой армии удалось сохранить свои позиции в сражениях на Березине».³⁶

Таким образом, события, связанные с переправой Великой армии через Березину в 1812 г., прочно вошли в историческое сознание Франции. Но оценки этих событий всякий раз корректировались, когда французы оказывались на изломе своей национальной судьбы. Березина стала достоянием исторической памяти французской нации как воплощение ее героизма. Этот образ ярко запечатлен на страницах газет, научных трудов, произведений писателей. Березина превратилась в символ великой победы Наполеона. Французы верят в созданную ими легенду.

Ключевые слова: *Великая армия, русская кампания 1812 г., историческая память, Березина, письма, официальная переписка, сражения, переправа*

Alena A. Postnikova

Graduate student, Ural State Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: alina33_07_87@mail.ru

THE "FRENCH" BEREZINA: 200 YEARS OF MEMORY

The paper describes the perception of the 1812 events on the river Berezina by the French participants, historians, authors; it also touches upon the problem of the effect of internal political situation in France and the international relations on the meaning of Berezina in the minds of the French. The study was based on the analysis of private correspondence of the Great Army soldiers, the official documents of 1812, and the works of the French authors. Analysis of the evolution of historical memory of the French people about the Berezina events led the author to the conclusion that over two centuries the firm belief of the French in their absolute victory in those battles stayed unchanged.

Key words: *Grand Army, the Russian campaign of 1812, the historical memory, Berezina, letters, official correspondence, the battle, the crossing*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Balzac O. Paris: Libraire Germer Baillière, 1830, 40 p. (in French).
Beaucour F. E. Paris: Économica, 2006, 147 p. (in French).
Boulart F. Paris: Librairie illustrée, 1894, 52 p. (in French).

³³ Grünwald C. La campagne de Russie. P., 1963.

³⁴ См.: Dufraisse R. Napoléon. P., 1987; Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993.

³⁵ См.: Budon G. Napoléon et l'Europe. P., 2006.

³⁶ Beaucour F. E. Napoléon à la Bérézina. P., 2006. P. 36.

- Budon G. Paris: Armand Colin, 2006, 343 p. (in French).
- Budon G. Paris: Armand Colin, 2006, 343 p. (in French).
- Chambray G. Paris: Imprimeur libraire, 1838, Vol. 3, 518 p. (in French).
- Corbet Ch. Paris: Didier, 1967, 146 p. (in French).
- Correspondance de Napoléon* (Correspondence of Napoleon). Paris: H. Plon, J. Dumaine, 1868, Vol. 23. (in French).
- Dufour B. P. Paris: Chevalier de la Legion d'Honneur, 1830, Vol. 8, 330 p. (in French).
- Dufraisse R. Paris: PUF, 1987, 125 p. (in French).
- Fabry G. Paris: Librairie militaire R. Chapelot, 1903, Vol. 4. 260 p. (in French).
- Fain A. J. F. Paris: Libraire de son altesse royale madame la duchesse d'Orleans, 1827, Vol. 2. 496 p. (in French).
- Fezensac M. Paris: L'Academia francaise, 1850, 560 p. (in French).
- Gourgaud G. Paris: Bossange frères, libraries, 1825, 512 p. (in French).
- Griois L. Paris: Plon-Nourrit, 1909, Vol. 2, 220 p. (in French).
- Grünwald C. Paris: Julliard, 1963, 380 p. (in French).
- Gueniffey P. Paris: Gallimard, 2008, 428 p. (in French).
- Hugo V. Paris: J. Hetzel, A. Quantin, 1855, 12 p. (in French).
- Journal de L'Empire* (Journal of The Empire), 1813, January. (in French).
- Journal des artistes* (*Journal of the artists*), 1828, № 13. (in French).
- Labauve E. Paris: French edition, 2001, 292 p. (in French).
- Larcan A. Paris: Fayard, 2004, 445 p. (in French).
- Las Cases A. D. Paris: l'Au-teur, 1823, 428 p. (in French).
- Le Temps* (Time), 1887, October, 34 p. (in French).
- Le Temps* (Time), 1912, April, 23 p. (in French).
- Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise* (Unpublished Letters of Napoleon to Marie-Louise). Paris: Editions des Bibliothèques nationales de France, 1935, 418 p. (in French).
- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* (Letters intercepted by the Russians during the 1812 campaign). Paris: La Sabretache, 1913, 440 p. (in French).
- Maringone L. S. Paris: Librairie illustrée, 1899, 428 p. (in French).
- Mémoires pour servir a l'histoire de France* (Memory for server has the history of France). Paris: Imprimerie de H. Fournier, 1830, 560 p. (in French).
- Milchina V. *Otechestvennyye zapiski* (Notes of the Fatherland). Moscow, 2008, № 5, pp. 105–124. (in Russ.).
- Mortonval M. Paris: Ambroise Dupont, libraries, 1831, 466 p. (in French).
- Napoléon et l'Europe* (Napoleon and Europe). Paris: Fayard, 2004, 445 p. (in French).
- Séguir F. Paris: Imprimerie de Fain, 1825, 424 p. (in French).
- Thiers A. Brussels: Paulin, libraire-éditeur, 1856, Vol. 14, 686 p. (in French).
- Thiry J. Paris: Berger-Levrault, 1969, 371 p. (in French).
- Tyular Zh. Moscow: Terra, 1993, 384 p. (in Russ.).